

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-9-26

ИСТОРИЯ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ИСТОРИОСОФИЯ РУССКОГО МЕССИАНСТВА В ПРОЕКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Багдасарян В. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Восстановить целостное видение истории России по основным периодам и событиям в воззрениях Ф. М. Достоевского и в соотнесении с его историософской концепцией.

Процедура и методы. Статья подготовлена сообразно с подходами, сложившимися в рамках направления интеллектуальной истории. Российский исторический процесс излагается в хронологической последовательности в соответствии с теми событиями и явлениями, которые получили отражение в творчестве писателя. Источниковой основой исследования послужили, главным образом, публицистические работы Достоевского и черновые материалы к ним. Одним из ключевых применяемых методов явилась контекстуализация воззрений писателя с актуальной повесткой развития России и мира в XIX столетии.

Результаты. Были раскрыты историософские воззрения Достоевского в проекции структурированной по периодам российской истории. Сделан вывод о близости воззрений писателя на историю России к славянофильскому направлению историографии. Основу понимания Достоевским исторического процесса составляла концепция реализации через события истории русского христианского мессианизма. Реконструированы взгляды писателя на вопросы становления древнерусской государственности, модели общественного устройства России XVII в., преобразований Петра I, истории внешней политики XIX в. и др.

Теоретическая и/или практическая значимость. Целостное изложение историософских и исторических воззрений Достоевского, акцентировавших особый путь развития России, опирающихся на ценности патриотизма и духовно-нравственного совершенствования человека, будут востребованы при формировании на государственном уровне единой концепции российской истории. Представленные в статье материалы могут быть использованы в курсах истории, истории философии, истории российской общественно-политической мысли, историографии и др.

Ключевые слова: Достоевский, мессианство, славянофилы, восточный вопрос, православие, католицизм, Римская империя, Европа

HISTORY OF RUSSIA IN THE VIEWS OF F. M. DOSTOEVSKY: THE HISTORIOSOPHY OF RUSSIAN MESSIANISM IN THE PROJECTION OF HISTORICAL NARRATIVE

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To restore a holistic vision of Russian history in terms of its main periods and events both in the views of F. M. Dostoevsky and in relation to his historiosophical concept.

Methodology. The methods and approaches of intellectual history were used. The Russian historical process was presented in chronological sequence in accordance with the events and phenomena that are reflected in the writer's work. The research sources were Dostoevsky's journalistic works and the corresponding draft materials. The writer's views were considered in the context of the development of Russia and the world in the 19th century.

Results. Dostoevsky's historiosophical views were analysed in the projection of Russian history structured by periods. The writer's views on the history of Russia were found to be close to the Slavophil direction of historiography. The basis for Dostoevsky's understanding of the historical process was the concept of realization of Russian Christian messianism through historical events. The writer's views on the formation of ancient Russian statehood, social structure of Russia in the 17th century, reforms of Peter I, history of foreign policy of the 19th century, etc., were reconstructed.

Research implications. The developed holistic presentation of Dostoevsky's historiosophical and historical views, emphasizing a special path of Russian development, based on the values of patriotism and spiritual and moral development of a human being, can be used when forming a unified concept of Russian history at the state level. The materials presented in the article can also be used in courses on history, history of philosophy, history of Russian socio-political thought, historiography, etc.

Keywords: Dostoevsky, messianism, Slavophiles, Eastern Question, orthodoxy, Catholicism, Roman Empire, Europe

Введение

2021 г. является годом 200-летия одного из величайших российских писателей и мыслителей – Федора Михайловича Достоевского. Сама по себе эта дата служит дополнительным катализатором к осмыслению его творчества в проекции исторического опыта и актуальной повестки развития России. Новая фаза российской общественной дискуссии по вопросам национального самоопределения, эскалация напряженности в отношении с Западом, актуализация фактора Турции в мировой политике, радикализация действий оппозиции внутри страны – все это находит соотнесение с художественным творчеством и публицистикой Достоевского, а потому делает именно его фигуру особо востребованной в контексте обществоведческого дискурса.

Фигура Достоевского, относимая к ключевым фигурам в истории мировой литературы, обусловила многомерность проработки его творчества с позиций различных гуманитарных и обществоведческих дисциплин. Позиционируется

даже особое интегративное направление научного дискурса – достоевистика. Ряд исследований посвящён историческим воззрениям писателя. Преимущественно его взгляды на историю частично раскрывались в рамках литературоведческого и философско-обществоведческого (социальная философия) анализа [10; 13; 15; 18; 24; 31]. Уже в постсоветский период появляются отдельные разработки, включая диссертационные исследования, посвящённые историческим взглядам писателя [8; 21; 32]. Значимым вкладом этих разработок в изучение творчества Достоевского стало осмысление философии истории (историософии). Следующий необходимый шаг этого осмысления заключается в экстраполяции философско-исторических воззрений писателя на событийную развертку истории (исторический нарратив). Целевой установкой представляемого исследования является соответственно изложение взглядов Достоевского на историю России, выстроенной по хронологии курса российской истории.

Безусловно, при таком хронологическом изложении возможны разрывы, связанные с тем, что не по каждому из периодов российской истории писатель публично высказывал свою позицию. Но даже при таких разрывах соответствующих высказываний достаточно для того, чтобы выстроить целостную канву изложения прошлого России.

В основу данного исследования преимущественно легли публицистические работы Достоевского. Акцентировка именно на публицистике, а не художественном творчестве связана с тем, что позиция литературных героев не всегда соответствовала воззрениям самого писателя и вызывала домыслы интерпретаций. Такое искажение позиций самого Достоевского на основании того или иного прочтения семантики, созданных им персонажей известна в истории мировой литературы, получив, в частности, распространение на рубеже 80-х – начале 90-х гг. XX в. [14; 23; 27]. Публицистические работы Достоевского выглядят в этом отношении при реконструкции его взглядов более репрезентативно, что не отрицает самой целесообразности анализа и литературного творчества писателя.

Ценностно-смысловые основания русского исторического процесса

Базовые компоненты русского исторического процесса в понимании Достоевского соотносились с компонентами уваровской идеологической формулы. Непосредственно к ней писатель никогда не апеллировал, но она в целом соотносилась с мейнстримом консервативного направления отечественной историографии. Об имманентно присущих России характеристиках – православности, самодержавности и народности – заявляли не только представители официального властного дискурса, но и славянофилы, к которым, согласно собственным признакам, примыкал и Достоевский [6; 9].

Писатель не единожды заявлял, что в православии состоит суть бытия русского

народа, и вне его он не будет совершенно понят¹. Разные страны он рассматривал историческим воплощением духа различных конфессий: католицизма – Францию, протестантизма – Германию, православия – Россию². Только русский народ, полагал Достоевский, сумел сохранить в себе образ Христа. И в этом отношении он выступал альтер-эго западным христианам, которые не только его утратили, но и подчинили Христа государству, т. е. этактистскому духу Рима³.

Многие, например, поэт Яков Полонский, пытавшиеся разобраться в религиозных воззрениях Достоевского, отмечали, что хотя писатель и апеллирует к православию, от канонически православных они существенно отличались [7, с. 467–468]. Достоевский считал Богом – народный идеал, то, во что верит народ, а не трансцендентную сущность. Отсюда – обожествление народа в его высших, идеальных устремлениях, тезис о мессианстве России. В «Дневнике писателя» он смещал акценты от идеи мессианства Христа к идее мессианства русского народа, который уже нёс в себе Христа⁴. Достоевский, таким образом, оказывался в своих воззрениях между религиозной историософией и национализмом, сакрализацией этноса.

В соответствии со вторым компонентом уваровской формулы Достоевский полагал самодержавие важнейшей, даже единственной, движущей российской силой истории. Власть царя мыслилась им не сама по себе, а в духовной неразделённости с народом. В этом отождествлении с царём, по оценке Достоевского, состояло

¹ Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 64; Достоевский Ф. М. Первый корень. Т. 27. С. 19.

² Достоевский Ф. М. Аксиома. Т. 24. С. 270; Достоевский Ф. М. Война. Т. 24. С. 128; Достоевский Ф. М. Германский мировой вопрос. Германия – страна протестующая. Т. 25. С. 151–154; Достоевский Ф. М. Три идеи. Т. 25. С. 8.

³ Достоевский Ф. М. Халаты и мыло. Т. 23. С. 47.

⁴ Достоевский Ф. М. О любви к народу. Необходимый контракт с народом. Т. 22. С. 42–45.

главное отличие русского от всех европейских народов. Отсюда – особая, в понимании писателя, этика «царёвого служения» в России¹. Выступления против царской власти оказывались, следуя этой логике, выступлениями против народа. От царя же требовалось не увлекаться европейскими концепциями, а принять отношение к народу как детям, а государственному устройству – как семье².

Достоевский писал о том, что русская царская идея была совершенно не понята Европой. Для неё самодержавие в России есть тирания, тогда как в российском осмыслении оно, напротив, является источником всех свобод³. Это не свобода от, а свобода во имя, свобода единения детей вокруг отца в семье.

Третий компонент уваровской триады – народность – раскрывался Достоевским, с одной стороны, через национальность, с другой – через общинность. Писатель был увлечён идеями влияния почвы на формирование национального характера, придерживался организменной теории нациогенеза [16; 35]. Русскую нацию он характеризовал как самое выдающееся явление в истории человечества. В противоположность первому посылу склонность к общинности русского народа Достоевский выводил на уровень общечеловечности как особой интегральной миссии России для мира. Применительно к самой России он говорил о чуждости для неё сословности, стремлению к преодолению сословных рамок, слиянию. Напротив, западные народы в противоположность русскому характеризовались склонностью к разделению, антихолистичностью. Особо замечательным явлением российской жизни оценивал писатель русскую артель, как объединение не по внешнему принуждению, а естественной привычке к совместному труду. И на-

оборот, кулачество рассматривалось им в качестве подрыва русского мира, а кулак определялся как внутренний враг⁴.

Но существовало и отличие в понимании Достоевским народности в сравнении с дискурсом официальной идеологии. Этим отличительным подходом являлась идея о русском народе как народе – Богоносце, о фактическом воплощении в нём Христа. Данное переосмысление выводило Достоевского на понимание истории России как телеологического раскрытия русского мессианства.

Другое отличие состояло в отношении к институту государства. Сторонники официального идеологического нарратива были в целом государственники, тогда как Достоевский видел в государственных институциях зло, антипод христианской онтологии.

Народовластие в Древней Руси

Достоевским идеализировалось жизнеустройство Древней Руси. Оно связывалось им с воспринятым в чистоте словом Христовым. В неразвитости государственных институций виделось им преимущество в сравнении с средневековой Европой, наследовавшей государственности Рима. Культ государства выхолостил там дух христианства как религии любви. Восточнославянский мир не входил в пространство Римской империи, а соответственно, и оказался исходно свободен от системы государственного культа и подавления. Достоевский писал о древнерусской традиции подлинной демократии, присущей России от самого её образования. Для Европы же, выстраиваемой не на основе римской государственности, по его оценке, народовластие не было присуще. Происхождение европейской демократии датировалось им Француз-

¹ Достоевский Ф. М. Критикам. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 86.

² Достоевский Ф. М. Первый корень. Т. 27. С. 22; Достоевский Ф. М. Три идеи. Т. 25. С. 9.

³ Достоевский Ф. М. Лес. Т. 24. С. 291.

⁴ Достоевский Ф. М. Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. Т. 20. С. 179; Достоевский Ф. М. Книжность и грамотность. Статья первая. Т. 19. С. 19; Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе. Т. 18. С. 53–54.

ской революцией, и сама демократическая идея на Западе рассматривалась как подлог в отношении подлинного народовластия. В черновых записках Достоевский указывал, что мысль о том, что европейская демократия гораздо моложе русской была им заимствована у консервативного публициста В. П. Мещерского¹.

Крещение Руси – фундаментальность русского исторического выбора

Развёртывание истории России в понимании Достоевского начинается с Крещения Руси. Российский исторический процесс и определялся рефлексией христианского миропонимания, реализацией воспринятой с Крещением миссии. Крещение Руси сопрягалось им с происходящим расколом Церкви, исходным русским оппонированием Европе.

Достоевский полагал, что в фундаменте любой национальной общности лежит религия. Историю еврейской нации, рассуждал он, нельзя объяснить без иудаизма, а арабов – без ислама. Для французов религиозным фундаментом стало, в интерпретации писателя, католичество, а для немцев – протестантизм. Такой же основой для русских и в целом России Достоевский определял православие².

Завязка историософского конфликта, в который оказалась вплетена история России, явилось столкновение христианского учения и Римской империи, государства Кесарей. На время был достигнут компромисс: Церковь приняла рамки римского государства и права, а империя – христианство³.

Но, ввиду противоположности заложенных в них идей, конфликт должен был проявиться вновь. Он и нашёл своё проявление в столкновении западного и восточного христианства, Европы и России. Католическая церковь, и Европа в целом, исторически дрейфовала в сторону

усиления Римской государственной компоненты при минимизации компоненты христианской. Папство, прельстившись светской властью, фактически выхолостило в себе, в понимании Достоевского, дух христианства. «Легенда о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» хотя и будет в дальнейшем использоваться против любой авторитарности, но первоначально имела преимущественно антикатолическую направленность. Иезуитство определялось Достоевским как свидетельство окончательной подмены христианства на Западе установками мирового господства⁴.

На Руси Церковь исходно не претендовала быть светской властью. Именно христианство было наиболее близким к тому, как его проповедовали апостолы. В результате сложилась альтернатива между государственным христианством господства в Европе и христианством любви и жертвенности в России. Эта альтернатива и лежала, по оценке Достоевского, в историческом европейско-русском противостоянии⁵.

Русь в татарской неволе

В стихах «На европейские события 1854 года» Достоевский апеллировал, как к наиболее тяжёлым страницам прошлого, к междоусобным войнам и татарскому игу («давил её татарин под пятой»). Но и при междоусобице, подчеркивал он, Русь не потеряла святости. Татарское же иго обернулось в итоге подчинением татар⁶. Татары (обсуждалась их возможная негативная реакция на вступление России

¹ Достоевский Ф. М. Записки к «Дневнику писателя» из рабочей тетради 1876–1877 гг. Т. 25. С. 229

² Достоевский Ф. М. Две половинки. Т. 26. С. 165.

³ Там же. С. 169.

⁴ Достоевский Ф. М. Война. Т. 24. С. 149–150; Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 243; Достоевский Ф. М. Сила мертвая и сила грядущая. Т. 22. С. 88–89; Достоевский Ф. М. Три идеи. Т. 25. С. 7.

⁵ Достоевский Ф. М. Война. Т. 24. С. 149–150; Достоевский Ф. М. Две половинки. Т. 26. С. 169; Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 243; Достоевский Ф. М. Сила мертвая и сила грядущая. Т. 22. С. 88–89; Достоевский Ф. М. Три идеи. Т. 25. С. 7.

⁶ Достоевский Ф. М. На европейские события 1854 года. Т. 2. С. 403.

в войну против Турции) назывались им «бывшими мучителями земли русской», что указывало на понимание им ордынского периода российской истории как периода мученического¹.

Завоевание Руси татарами Достоевский связывал с утратой авторитета единачалия. Крайне негативно, сообразно со своей апологией самодержавной модели власти, относился писатель к порядкам управления в Новгороде, характеризуя их как «новгородские безобразия». По его мнению, новгородский эксперимент показал нежизненность республики на славянской почве².

Рефлексия Голгофы оказала, по видимому, в целом сильное влияние на творчество Достоевского. Эта же рефлексия была отчасти заложена им и в осмысление исторического процесса. Татарское нашествие на Русь, так же как и турецкое завоевание стран православного Востока, безусловно, являлось трагедией и национальным унижением. Но в поражении православного мира видел он высшее благо. Татарское иго и туречина привели к христианскому очищению. С одной стороны, внешний погром национальных государственных институтов привёл к отделению христианства от осуществления властных функций. С другой, находясь под внешним управлением, государства на Руси и в странах православного Востока формировались через страдание, а не через господство. Страдальческие мотивы приводили неизбежно эти государства к Христу, тогда как Европа всё более отдалялась от него³

¹ Достоевский Ф. М. Кифомокиевщина. Т. 23. С. 126; Достоевский Ф. М. Продолжение предыдущего. Т. 23. С. 127.

² Достоевский Ф. М. Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев. Т. 18. С. 123.

³ Достоевский Ф. М. Две половинки. Т. 26. С. 169–170; Достоевский Ф. М. Ещё раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш. Т. 25. С. 67; Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. Т. 26. С. 129–136; Достоевский Ф. М. Сбивчивость и неточность спорных пунктов. Т. 22. С. 111,

Аллюзии татарского нашествия проявлялись и в профетике Достоевского, как приём переноса трагедий прошлого в эсхатологическое будущее. Одно время он был увлечён идеей нового Тамерлана, который должен прийти с Востока. Достоевский рассуждал, что восточные нашествия происходят в истории с определённой периодичностью. Россия в силу своего географического положения первой примет этот удар, как она приняла его в XIII столетии⁴.

Не исключено, что тема панмонголизма в творчестве В. С. Соловьёва возникла не без влияния соответствующих идей Достоевского. Известно, что тот относился с большим пиететом к писателю, и идейная перекличка в данном случае, как минимум, вероятна [17; 22].

Взятие Казани как христианский реванш

Большое значение отводилось Достоевским историческим победам, одержанным Россией над внешними врагами. В «Дневнике писателя» он рассуждал о том, что война может быть действенным инструментом разрешения противоречий, и выступает как противник пацифизма. Можно говорить даже об апологии войны, что противоречит сложившимся представлениям о категорическом гуманизме, «розовом христианстве» Достоевского в определении К. Н. Леонтьева и Н. А. Бердяева [5; 19; 20]. Но вместе с тем, надо иметь в виду и политический контекст рассуждений Достоевского, его агитацию за вступление России в борьбу против Османской империи в защиту южных славян от турецких репрессий⁵.

113; Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 46.

⁴ Достоевский Ф. М. Записи к «Дневнику писателя» из рабочей тетради 1876–1877 гг. Т. 25. С. 229.

⁵ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 268–270; Достоевский Ф. М. Золотые фракы. Прямолинейные. Т. 25. С. 171; Достоевский Ф. М. Иностранские события. Т. 21. С. 180–248; Достоевский Ф. М. Любители ту-

Среди военных побед России Достоевский указывал, в частности, на взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г. Эта победа рассматривалась им в широком историософском ракурсе как начало исторического ответа православного мира на прежнюю мусульманскую экспансию. Русское наступление на Восток он оправдывал именно в качестве ответного удара на внешнюю агрессию. Логическим завершением этого поворота, начавшегося со взятия Казани, Достоевский считал освобождение от турок Константинополя. Действия Ивана Грозного оправдывал теми угрозами, которое сулило совместное выступление Казанского и Крымского ханства Московской Руси: исходом борьбы могло стать обращение русских земель в ислам.

При этом писатель делал акцент на мягкости обращения русских с побеждённым татарским населением: не было ни массовых истреблений, ни депортаций. После взятия Новгорода Иван Грозный действовал гораздо более жестоко. Все это, считал Достоевский, является гарантией того, что и при взятии русскими войсками Константинополя трагедии не произойдет, и мусульманское население в скором времени установит добрососедские настроения с русскими¹.

Доромановские правители Московской Руси

Достоевский, по-видимому, испытывал симпатии к доромановскому периоду российской истории как аккумулятору русской святости и благочестия. Об этом его отношении можно сделать вывод по его сетованию на незнание народом этой эпохи. В народе, говорил писатель, известны только три доромановских правителя: Дмитрий Донской, Иван Грозный

и Борис Годунов. Но Бориса Годунова знают только в связи со строительством колокольни Ивана Великого, а представления о Дмитрие Донском и Иване Грозном – это собрание небылиц. Не знают также в народе и русских святителей – митрополитов Петра и Филиппа².

Внешней политике Московской Руси Достоевский отдавал предпочтение перед политикой Российской империи. Интегральная идея в её реализации виделась ему в реализации мессианского предназначения по освобождению Константинополя. Основоположником этого курса он называл Ивана III. Символически значимым было то, что московский государь поставил византийского двуглавого орла выше древнерусского символа, что отражало переход от решения задач национальных к задачам вселенским³.

Иван Грозный принадлежал к тому типу внутренне противоречивых личностей, которые привлекали Достоевского как писателя. В черновых записках к «Преступлению и наказанию» он психологически соотносил с царём своего литературного героя Свидригайлова. В соответствии с этой аналогией в личности монарха обнаруживалось клокотание страстей, порывы движения вверх и вниз, упоение преступлениями, сменяющееся упоением добрыми делами. Более развёрнутого раскрытия своего отношения к периоду правления Ивана Грозного Достоевский, к сожалению, не оставил⁴.

Ещё до публикации считающегося первым литературным произведением Достоевского романа «Бедные люди» он работал над тремя драмами: «Мария Стюарт», «Жид Янкель» и «Борис Годунов». Все эти драмы имели аналоги в истории литературы, соответственно, в творчестве Ф. Шиллера, Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина. Все они связывались с

рок. Т. 25. С. 167–168; Достоевский Ф. М. Не всегда война бич, иногда и спасение. Т. 25. С. 98–100; Достоевский Ф. М. Спасет ли пролитая кровь? Т. 25. С. 101.

¹ Достоевский Ф. М. Халаты и мыло. Т. 23. С. 119–121.

² Достоевский Ф. М. Петербургская летопись. Т. 18. С. 25.

³ Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории Т. 23. С. 49.

⁴ Достоевский Ф. М. Заметки к роману. Т. 7. С. 156–157.

определёнными историческими событиями – в Англии XVI в., Речи Посполитой и России XVII в. К сожалению, тексты исторических драм не сохранились, и сам Достоевский впоследствии отзывался о них, как о детских увлечениях. Писатель в драме «Борис Годунов», вероятно, переосмысливал образ, созданный Пушкиным, либо развивая его, либо пересматривая. Предполагается, что он противопоставлял в драме характеры Бориса и Лжедмитрия. Можно заключить, что Достоевский смотрел на историю не только как историкософ, но и писатель, ищущий в ней психологические образы, переносимые в художественное творчество.

Русская модель жизнеустройства XVII столетия: славянофильская историческая альтернатива

Для исторических воззрений Достоевского характерна общая для славянофилов апология допетровской системы жизнеустройства, приходящейся на XVII столетие. Правда, им отмечалось, что уже тогда начинается процесс её разложения, приведшего следующим шагом к петровской подмене¹. Но сами институты русского жизнеустройства XVII века – царь, патриарх, Земский собор, дворянство как служилое сословие – определялись Достоевским теми основаниями, на которых и должна выстраиваться Россия. Писатель ратовал за восстановление Земского собора в ходе реформ Александра II².

Дворянство, по его мнению, выступало связующим мостом между царём и народом. Он противопоставлял дворянство бюрократии, полагая их антиподами. Дворянская идея была противоположна чиновничьему культу государства. Роковой стратегической ошибкой царской власти в России Достоевский считал проведение политики разрушения дворянства при помощи бюрократии. В

этой политике самодержавие фактически поднимало руку на себя, становилось на путь саморазрушения, уничтожало через лучших служилых людей духовную связь с народом³.

С симпатией относился Достоевский к ориентирам внешней политики допетровской России, выражаемых доминантой православных воззрений царей. Его впечатлило, в частности, свидетельство архиерея Антиохийской церкви о горячем желании Алексея Михайловича Тишайшего освободить православных из-под власти турок. Царь будто бы лил слёзы ввиду невозможности, по тогдашнему состоянию российского государства, помочь единоверцам. Достоевский рассматривал этот пример как назидание для современной ему российской власти, призывая её взять на себя миссию освободителя⁴.

Русский религиозный раскол

Согласно воспоминаниям второй супруги писателя Анны Григорьевны Достоевской (Сниткиной), тот весьма интересовался темой русского религиозного раскола и имел в своей библиотеке книги по истории старообрядчества. Имеются сведения о покупке им в 1862 г. в книжном магазине А. Ф. Бабунова считающихся классическими книг по этой проблематике: Г. Есипова «Раскольничьи дела», «История Выговской старообрядческой пустыни», А. П. Шапова «Раскол», С. В. Максимова «Рассказы из истории старообрядцев» [30; 31].

В том же 1862 г. выходит статья Достоевского «Два лагеря теоретиков», в которой он частично касается темы раскола в связи с дискуссией между славянофилами и западниками. И славянофилы, и западники предлагали, с его точки зрения,

¹ Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 46–47.

² Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 82.

³ Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 53; Достоевский Ф. М. Записки литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 265–266.

⁴ Достоевский Ф. М. Мнение «тишайшего» царя о Восточном вопросе. Т. 25. С. 103–104.

поверхностный и, в сущности, ошибочный взгляд на раскол [29]. Славянофилы, по мнению Достоевского, отвергали раскольников за их отступление от официального православия. Западники видели в старообрядцах обскурантов, приверженцев архаики, всего отсталого. Ни те, ни другие не увидели в расколе неприятия действительности, стремления к обретению истины¹. То, что фамилия главного героя «Преступления и наказания» была взята не случайно и связывалась именно с расколом, литературными критиками высказывалась не единожды. Из рассуждений Достоевского, стремившего реабилитировать старообрядчество, в то же время следовало, что это именно раскольники подвергли ревизии церковную традицию, а вовсе не никониане.

Антинародность правления Петра I

Достоевского принято считать петербургским писателем, контекстуализировать его творчество с северной столицей. Но с этой контекстуализацией вступала в противоречие резкая критика им традиционно апологизируемой деятельности Петра I – основателя города. Сам писатель осуждал петровский перенос столицы из православной Москвы, воспринимаемой народом стольным городом, в Петербург – «чухонское болото»².

Достоевский по степени радикальности негативных характеристик императора превосходил большинство антипетровски настроенных славянофилов. По пафосности выдвигаемых против Петра обвинений в наибольшей степени с ним может быть сопоставлен только К. С. Аксаков [1].

К негативной оценке деятельности Петра Достоевский приходит не сразу. Ещё в 1861 г., разбирая рецензию

М. И. Семевского книги Устрялова «Царевич Алексей Петрович», писатель солидаризируется с устряловской позицией. Семевский, как известно, развивал идею о том, что Алексей был умерщвлён по приказу Петра [28]. Историк был даже причастен к появлению считающегося подложным документом, показывающим преднамеренное убийство [34]. Достоевский считал более обоснованной позицию, что царевич умер после пыток, но приказа его умерщвления не было [33]. Он оправдывал Петра и осуждал Алексея за то, что тот пошёл против его дела. Приход Алексея Петровича к власти означал бы, по оценке Достоевского, отмену петровских преобразований. Петра в 1861 г. он характеризовал как гения³.

Пройдет некоторое время, и оценки Достоевским личности Петра изменятся принципиально. Пересмотрит Достоевский и свои взгляды на обстоятельства дела царевича Алексея, о чём свидетельствует использование им в отношении Петра маркера «сыноубийца».

Уже в 1862 г. Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков» писал об антинародности Петра, о негативных последствиях его деятельности для России. Можно считать, что именно с 1862 г. писатель во взглядах на историю встал преимущественно на позиции славянофильского «Дня»⁴.

Пётр I в дальнейшем предстаёт у Достоевского в качестве главного извратителя русской национальной истории, искусителя европейскостью, источника всех основных противоречий в существовании Российской империи. Писатель так и формулировал главную претензию к императору – его презрение к исторической России. Он не любил и не понимал народ, смотрел на него как на расходный материал, поставщика солдат и платель-

¹ Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого). Т. 20. С. 12.

² Достоевский Ф. М. Забыть текущее ради оздоровления корней. По неумению владаю в нечто духовное. Т. 27. С. 15; Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 48.

³ Достоевский Ф. М. Замечания на статью Семевского о книге Устрялова «Царевич Алексей Петрович». Т. 18. С. 104–107.

⁴ Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого). Т. 20. С. 15.

щика налогов. Достоевский отрицал за царём наличие широты взглядов, писал о мелочности и второстепенности интересующих его вопросов. Форма реализации петровских преобразований характеризовалась писателем как «голландский метод». Сами преобразования были для России нужны, но формы их осуществления оказывались не национальными и зачастую противоречили духу русского народа¹.

Критиковал писатель и петровскую экономическую политику. По его мнению, у Петра напрочь отсутствовало экономическое чутьё. По стилю принимаемых решений он уподоблял действия Петра в экономике действиям персидского шаха. Достоевский во взглядах на экономическую политику придерживался подхода, который можно было бы квалифицировать как вариант, близкий к физиократии. Отсюда меркантилизм петровской экономической политики не мог быть оценён им положительно.

Пётр I не только подрывал народные идеалы, но и московские представления о чести. Московское понимание чести, во имя которой русские люди были готовы пожертвовать жизнью, он заменил совершенно не воспринятым в России европейским этикетом шпаги². Среди адресуемых ему обвинений была и претензия отлучения общества от всякого дела, при том, что было принято считать, что Пётр привнёс в жизнь россиян европейскую деловитость³.

¹ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 265; Достоевский Ф. М. Мой парадокс. Т. 23. С. 38–42; Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 46.

² Достоевский Ф. М. Авсеенке. Т. 24. С. 183; Достоевский Ф. М. Стена на стену. Т. 21. С. 145.

³ Достоевский Ф. М. Война. Т. 24. С. 149; Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 256, 272; Достоевский Ф. М. Мечты и грёзы. Т. 21. С. 313; Достоевский Ф. М. Мой парадокс. Т. 23. С. 39; Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 46–47.

Сообразно с общей традицией антипетровской критики особо акцентировались претензии к Петру в связи с его религиозной политикой. Достоевский писал о непонимании императором православия и религии в целом. Он позволил себе вторгнуться в сферу юрисдикции Церкви. Фактически, как и в Легенде о Великом Инквизиторе, Пётр осуществил попытку подчинить Христа Империи⁴.

Вызывала отвращение у писателя и личность императора, которую он награждал такими, в частности, характеристиками, как «развратник нигилятина» или «изверг-сыноубийца»⁵.

Вне критики писателя оставалась внешняя политика Петра, ведомые им войны. То, что военные успехи не могли быть достигнуты без соответствующей внутренней базы – к раскрытию данного противоречия Достоевский не приступил.

Из всего того, что связывалось с Петром, одна идея представлялась Достоевскому народной – концепция достижения «всеобщего блага». Но загнанная в бюрократические, рациональные формы, она в петровской реализации превратилась в свою противоположность, став идеей антинародной.

Важнейшим социальным последствием Петровских реформ Достоевский считал раскол между народом и образованным классом⁶. Отколовшись от народа и национальной культуры, образованное общество оказалось фактически отдельной общностью, государством в государстве. В дальнейшем эта идея об «отщепенстве» интеллигенции будет, в т. ч. с отсылкой к Достоевскому, раскрыта в сборнике «Вехи» [3].

Но всё-таки Достоевским обнаружилось и опосредованное позитивное

⁴ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 255, 272.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Достоевский Ф. М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год. Т. 18. С. 36; Достоевский Ф. М. Первый корень. Т. 27. С. 20.

значение петровских преобразований – осознание русскими своего всемирного значения. Замкнутость Московской Руси не могла дать такого осмысления. Потенциалы всемирной отзывчивости России были раскрыты только в период Империи, когда русские предъявила Европе свои возможности быть европейцами, равно как они могли бы быть в Азии – азиатами.

Политика Александра I: европейские ориентиры вместо национальных интересов

Судя по отдельным высказываниям, Достоевский имел скептическое отношение к заграничному походу русской армии 1813–1814 гг., рассматривая его в общем ракурсе петербургской политики поиска союзников в Европе. Свою позицию писатель обосновывал таким образом, что России следует надеяться не на союз с Европой, а на свой меч. Эти слова Достоевского предвосхитили знаменитую фразу Александра III о «двух союзниках России», отражая общее направление скепсиса части общественной мысли в отношении европейского вектора российской дипломатии. От заграничного похода русской армии и низложения Наполеона, полагал Достоевский, выиграла не Россия, а Европа. Также писатель считал ошибкой и освобождение Александром I поляков, дарование Польше Конституции. Все эти шаги, с точки зрения Достоевского, Московская Русь, ориентированная на национальные интересы, совершить не могла. Но петербургская политика действовала не сообразно интересам России, а стремлением понравиться Европе, что и приводило к холостому расходованию сил нации¹.

¹ Достоевский Ф. М. Аксиома. Т. 24. С. 270; Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 268–269; Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 242.

Реформы Александра II в славянофильской интерпретации

По оценке Достоевского, при Александре II закончился Петровский период российской истории. Основания для такого вывода усматривались им в начавшемся процессе демократизации общественной жизни, вступающем в противоречие с петровской бюрократизацией.

Фактически на реформы Александра II Достоевский переносил, сообразно со своими чаяниями, славянофильские представления о должном устройении России. Писатель полагал, что в результате этих преобразований будет преодолен возникший вследствие реформ Петра социальный раскол русского народа. Реформа отмены крепостного права оценивалась им как падение двухвековой стены, отделявший народ от образованной части общества. Произойдёт слияние сословий в духовном плане. «Свои в первый раз узнают своих», – резюмировал писатель свои ожидания от проводимых преобразований².

Достоевский противопоставлял реформы Александра II реформам Петра I, видя в этом противопоставлении более глубинную альтернативу – между славянофильством и западничеством. Освобождение крестьян при Александре II – прямая противоположность петровскому закреплению, взгляду на народ исключительно через призму податей и повинностей. Развитие системы самоуправления противопоставлялось им чиновничьей, идущей сверху вниз регламентации. Земская реформа была воспринята Достоевским как возвращение к «древнерусскому быту», и в этом восприятии, по-видимому, не последнюю роль сыграло само слово «земство», звучавшее в диссонанс прежней немецкой управленческой фразеологии³. Классическое образование

² Достоевский Ф. М. Пусть первые скажут, а мы пока стоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму поучиться. Т. 27. С. 25.

³ Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 71–72; Достоевский Ф. М. Записи публицистического и

с его гуманитарной основой позиционировалось писателем в качестве противоположности образовательной политики Петра, ограниченной вопросами техники и полезности: «Задыхание России в тесных петровских рамках в царствование Александра II закончилось»¹. Итогом же происходящих трансформаций должно стать достижение высшей социальной гармонии, братского единения на основе евангельского закона любви².

Сегодня вполне очевидно, что к духовному объединению сословий реформа по отмене крепостного права не привела. Напротив, в результате усилилось социальное расслоение, ставшее фактором продвижения России по капиталистическому пути развития [12]. Надежды Достоевского на славянофильские перспективы, возникающие вследствие реформ, оказались иллюзией и в действительности не имели под собой реальных оснований. Но вместе с тем важна и фиксация того, что такие ожидания от реформ в российской общественности существовали, и они не воспринимались всеми исключительно в фокусе либеральной парадигмы.

Ещё большим злом, чем власть бюрократии, Достоевский считал утверждение в России системы власти капитала. Такая оценка противоречила его позитивному отношению к реформам Александра II, как раз и давшим зелёный свет развитию капитализма. Петр I, введя табель о рангах, привёл к замене представления о дворянстве (с его сословной честью и этикой воинского служения) как о лучших на представление в качестве лучших чиновников. Но в связи с развитием капитализма лучшими становят-

ся обладатели капитала, представители буржуазии. Культ циркуляра заменяется культом денег³. Капитал, рассуждал писатель, по природе своей антинационален. Буржуазия не может быть патриотичной и готова ради барыша вступить в союз с любыми врагами России⁴.

Россия и Европа в фокусе войн и союзов XIX столетия

Реперными точками взглядов Достоевского на европейскую историю XIX века являлись: Отечественная война 1812 г., Крымская война и Франко-прусская война [2]. Такая акцентировка привела к рассмотрению именно Франции в качестве главного соперника России⁵. Одновременно Франция оценивалась в качестве предводителя Европы и оплота католицизма. Вероятно, представление об имманентности католической идеи для французской нации было связано с соответствующим курсом политики Наполеона III. Этот курс был воспринят Достоевским как выражение национальной идеи Франции. И Людовик-Филипп, и Наполеон III, и Тьер, рассуждал Достоевский, стояли за католицизм, а соответственно, за светское владычество папства⁶. В рассмотрении Франции, а не Британии, в качестве главного врага России на Западе позиция Достоевского отличалась от доминирующей среди публицистов консервативного направления российской общественной мысли точки зрения.

Внутри Европы роль главного противника Франции Достоевский отводил Германии. Франция стремится не допустить политического единства немцев, тогда как Германия бросает вызов французскому лидерству⁷. Кроме того, во

литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. Т. 20. С. 179–188; Достоевский Ф. М. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 201–242 с.

¹ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 268.

² Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) Т. 26. С. 148.

³ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 271.

⁴ Достоевский Ф. М. О том же. Т. 23. С. 158.

⁵ Достоевский Ф. М. Самое последнее слово цивилизации. Т. 23. С. 61–63.

⁶ Достоевский Ф. М. Иностранцы события. Т. 21. С. 184.

⁷ Достоевский Ф. М. Германский мировой вопрос.

франко-германском соперничестве отражалось соперничество между католицизмом и лютеранством.

Немцы выиграли Франко-прусскую войну, но новая война с французами неизбежна. И далее писателем рисуется, как кажется сегодня, совершенно невероятная картина: новое поражение Франции станет и поражением папства, и тогда Римский Папа обратится к народу, произойдет немыслимый на первый взгляд альянс между католической церковью и социализмом в лице Интернационала. Достоевским даже назывались фигуры К. Маркса и М. А. Бакунина. Возможность такого альянса состоит в том, что сама социалистическая доктрина вышла из недр впавшего в ересь западного христианства¹. Альянс католиков и социалистов приведёт к поражению немцев. Папская власть под социалистическим знаменем и будет, в интерпретации Достоевского, антихристовой властью. И тут-то пробьёт исторический час России, которая выйдет на арену, чтобы под знаменем Христа победить силы антихриста. Достоевским развивалась в этой связи тема российско-германского союза, к которой впоследствии имелись апелляции в консервативных кругах Германии.

Безусловно, описанная Достоевским картина оказалась далека от исторических реалий и многое в ней может показаться абсурдным. Но это восприятие сегодняшнего дня, тогда как для реконструкции развития общественно-политической мысли развития России XIX столетия соединение актуальной истории с её эсхатологическими толкованиями было типично, и зафиксировать распространение такого видения важно для полноты её реконструкции.

Германия – страна протестующая. Т. 25. С. 151–154; Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 237, 245, 246; Достоевский Ф. М. Мечты о Европе. Т. 22. С. 84; Достоевский Ф. М. Один гениально-мнительный человек. Т. 25. С. 156–157.

¹ Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 202–204.

Польское восстание

Польское восстание 1863 г. в целом, как известно, катализировало русскую общественно-политическую мысль. Расхождение в отношении к восстанию привело в ней к усугублению внутреннего раскола. Достоевский был среди тех, кто занял радикально антипольскую позицию. Русско-польский конфликт выводился им из глубин истории, связывался с амбицией Польши встать на место России в славянском мире [25; 26]. С одной стороны, писатель указывал, что польское восстание было восстанием шляхты и не имело поддержки в народе. Но с другой, он оспаривал позицию Н. И. Костомарова о возможности славянского союза с поляками ввиду имманентной встроенности в польскую культуру идеи Великой Польши².

Достоевский рассуждал о том, что Польша выступает против России как форпост Европы и католицизма. Она исторически связана с европейской цивилизацией и с Ватиканом, и без разрыва этих связей российско-польский конфликт будет воспроизводим³. Отсюда установка Достоевского – вместо «Старой Польши», с её прежними историческими связями, формирование «Новой Польши», освобождённой царём и разделяющей идею всеславянского единения в борьбе с Западом⁴.

Восточный вопрос и Русско-турецкая война

Восточный вопрос и русско-турецкая война являлись одной из главных тем исторической и политической публицистики Достоевского⁵. Писатель был в числе наиболее активных адептов всту-

² Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. Т. 24. С. 120; Достоевский Ф. М. Летняя попытка Старой Польши мириться. Т. 26. С. 58.

³ Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. Т. 24. С. 120

⁴ Достоевский Ф. М. Летняя попытка Старой Польши мириться. Т. 26. С. 57–59; Достоевский Ф. М. Римские клерикалы у нас в России. Т. 26. С. 54–57.

⁵ Достоевский Ф. М. Восточный вопрос. Т. 23. С. 42–46.

пления в войну против Османской империи в защиту балканского православного населения. Им на страницах «Дневника» представлялись страшные картины турецких зверств, чинимых по отношению к болгарам и сербам, включая детей. Создаваемые эмоциональные образы не могли оставить равнодушным российское общество. В защите слабого, в том, чтобы вырвать оружие из рук убийцы, и раскрывал Достоевский высшее назначение России.

Но видение Достоевским задач России в Восточном вопросе не ограничивалось защитой южных православных славян. Более того, им предсказывалось, что освобождённые славянские государства будут в дальнейшем интриговать против России, искать защиты от неё у Европы. В соответствии с этими прогнозами писатель не разделял идей проекта Н. Я. Данилевского о славянской федерации, оказавшего определённое влияние на его взгляды [11].

Цель и миссия России в Восточном вопросе заключались, согласно Достоевскому, в освобождении Константинополя [4], который не должен стать общеславянским или всеправославным, а должен стать именно новой российской столицей¹. Турция как бывшая территория Византии должна войти под власть России. И этот перенос принципиально изменит судьбы мира, приведёт к всемирному восстановлению христианства. Обновлённое царство станет на пути социализма, порождённого Западом и угрожающего человечеству. «С Востока, – развивал Достоевский своё историософское видение, – и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может вновь спасёт европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чём для России заключается Восточный вопрос... Но для такого назначения России нужен Константинополь, так как он центр восточного мира»².

¹ Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 49.

² Достоевский Ф. М. Толки о мире. «Константино-

Азиатский вектор российской политики XIX века

После завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг., не закончившейся, вопреки ожиданиям Достоевского, освобождением Константинополя, писатель переключает внимание на среднеазиатское и дальневосточное направление российской политики. Ещё ранее он приветствовал взятие русскими войсками Хивы. Достоевский рассуждал о двух природах русского народа – европейской и азиатской. Исходя из этой двойственности, русский является, в отличие от европейцев, для Востока своим, а потому только он способен нести в восточные страны цивилизацию. И сами русские воспринимались в Европе как азиаты, варвары, тогда как на Востоке отношение к ним было совершенно иным³.

Цивилизаторская миссия русских в Азии, в понимании писателя, должна соотноситься с политическим влиянием русского царя. Он писал о популярности «белого царя» среди нехристианских народов, готовности их пойти под его скипетр. Русское царство должно быть поставлено превыше власти халифа [36]. В борьбе за симпатии мусульман видел Достоевский продолжение соперничества с Османской империей. «Царь русский есть царь и повелитель всего мусульманского Востока», – декларировал писатель свое новое переосмысленное видение историософской миссии России⁴. Однако выдвинутое в конце жизни положение не получило такого же развития в его публицистике, как концепция константинопольской миссии⁵.

поль должен быть наш» – возможно ли это? Разные мнения. Т. 26. С. 85.

³ Достоевский Ф. М. Вопросы и ответы. Т. 27. С. 36–40; Достоевский Ф. М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? Т. 27. С. 32–36.

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 86.

⁵ Достоевский Ф. М. Вопросы и ответы. Т. 27. С. 37; Достоевский Ф. М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? Т. 27. С. 32; Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 62, 83–86.

Заклучение

Представление взглядов Достоевского на событийную канву отечественной истории позволяет сделать вывод о наличии у него целостного понимания российского исторического процесса. Интерпретация им исторических явлений соотносится со славянофильским направлением в историографии в отдельных оценках. Вместе тем исторические воззрения писателя встраивались в его эсхатологические представления. История мира рассматривалась им через идею развёртки, через исторический процесс христианского мессианизма, в котором России отводилась миссия спасения че-

ловечества. Ключевым конфликтом в истории он видел конфликт между христианством и Римской империей, преломляемый в дальнейшем в конфликты: православие – католицизм, Россия – Европа, русский народ – антихристианские силы, выступающие под знаменем социализма. Фиксируя ряд недостоверных положений в представлении взглядов на прошлое, важно отметить важность попытки целостного осмысления Достоевским российского исторического процесса в повестке актуальных по настоящее время вызовов.

Статья поступила в редакцию 17.03.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.
2. Алексеев П. В. Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского периода Крымской войны // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 30–34
3. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Сборник «Вехи» в контексте общественной полемики о путях развития России: опыт интроспективного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 1. С. 21–42.
4. Белова К. А. Константинополь и «Третий Рим» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877) // Восток в русской литературе XVII – начала XIX в. Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004. 253 с.
5. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: Академический проект, 2019. 560 с
6. Бобровских Е. В. Теория «официальной» и «неофициальной» народности: С. С. Уваров и славянофилы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 183–190.
7. Волгин И. Последний год Достоевского. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
8. Волкова Е. А. Общественная деятельность, социально-исторические и религиозные взгляды Ф.М. Достоевского: дис. ... док. ист. наук. Курск, 2020. 491 с.
9. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М., 1999. С. 233–244.
10. Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Постскриптум, 1963. 102 с.
11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб: Глаголь, 1995. 552 с.
12. Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 718 с.
13. Иустин (Попович), препод. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск, 2007. 312 с.
14. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
15. Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
16. Лазари де А. В кругу Фёдора Достоевского. Почвенничество. М.: Наука, 2004. 207 с.
17. Лаут Р. К вопросу о генезисе «Легенды Великом Инквизиторе» // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 70–76.
18. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, 1996. 447 с.
19. Леонтьев К. Н. Достоевский о русском дворянстве // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.

- С. 689–693.
20. Леонтьев К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 312–329.
 21. Любятинская У. С. Исторические воззрения Ф. М. Достоевского: (По материалам «Дневника писателя»): дис. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2006. 193 с.
 22. Малинов А. В. Панславизм как панмонголизм. Историсофия национализма // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 136–149.
 23. Мацейна А. Великий инквизитор. СПб.: Алетейя, 1999. 378 с.
 24. Пичугина О. В. Религиозно-философские основания позднего творчества Ф. М. Достоевского (1863–1881). Кемерово, 2006. 273 с.
 25. Подрезов М. В. Идейные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170–176.
 26. Птицын А. Н. Концепция «славянской цивилизации» Н. Я. Данилевского. Ставрополь: ПГЛУ, 2003. 164 с.
 27. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.; Советский писатель, 1990. 480 с.
 28. Семевский М. И Царевич Алексей Петрович. Исторический очерк // Иллюстрация. 1859. Т 3. С. 63–71.
 29. Снигирева С. Д. Историсофские воззрения Ф. М. Достоевского и демократическая концепция раскола А. П. Щапова // *Litera*. 2020. № 5. С. 14–26.
 30. Соколова В. Ф. Тема церковного раскола в публицистике и художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Соколова В. Ф. Старообрядчество: история, культура, современность. Т. II. М., 2005. С. 288–294.
 31. Сыромятников О. И. Поэтика русской идеи в «великом пятикнижии» Ф. М. Достоевского. Пермь: Маматов, 2014. 366 с.
 32. Тонких Н. В. История эволюции социально-политических взглядов Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 253 с.
 33. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. М.: Директ-Медиа, 2014. 656 с.
 34. Эйдельман Н. Я. Розыскное дело // Наука и жизнь. 1971. № 9. С. 104–111. № 10. С. 99–103.
 35. Dowler W. Dostoevsky, Grigor'ev, and Native Soil Conservatism. Toronto: University of Toronto Press, 1982. 240 p.
 36. Futrell M. Dostoyevsky and Islam (And Chokan Valikhanov) // *The Slavonic and East European Review*. 1979. Vol. 57. № 1. P. 16–31.

REFERENCES

1. Aksakov K. S. *Gosudarstvo i narod* [State and people]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2009. 608 p.
2. Alekseev P. V. [The East in the creative mind of F. M. Dostoevsky period of the Crimean War]. In: *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparativistics], 2016, no. 1 (5), pp. 30–34.
3. Bagdasaryan V. E., Resnyansky S. I. [Collection «Vekhi» in the context of public debate about the ways of development of Russia: the experience of introspective analysis]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin RUDN. Series: History of Russia], 2015, no. 1, pp. 21–42.
4. Belova K. A. [Constantinople and The Third Rome in the Diary of the Writer by F. M. Dostoevsky (1876–1877)]. In: *Vostok v russkoy literature XVII – nachala XIX v. Znakomstvo. Perevody. Vospriyatiye* [East in Russian literature of the 17th – early 19th centuries. Acquaintance. Translations. Perception]. Moscow, 2004. 253 p.
5. Berdyaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [World Lake Dostoevsky]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 560 p.
6. Bobrovskikh E. V. [The theory of «official» and «unofficial» nationality: S. S. Uvarov and the Slavophiles]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2015, no. 5, pp. 183–190.

7. Volgin I. *Poslednii god Dostoevskogo* [The last year of Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel Publ., 1991. 544 p.
8. Volkova E. A. *Obshchestvennaya deyatelnost, sotsialno-istoricheskie i religioznye vzglyady F. M. Dostoevskogo: dis. ... dok. ist. nauk* [Social activities, socio-historical and religious views of F. M. Dostoevsky: D. thesis in History]. Kursk, 2020. 491 p.
9. Vortman R. [«Official nationality» and the national myth of the Russian monarchy of the XIX century]. In: *Kulturnyye praktiki v ideologicheskoy perspektive. Rossiya, XVIII – nachalo XX veka* [Cultural practices from an ideological perspective. Russia, 18th – the beginning of the 20th century]. Moscow, 1999. P. 233–244.
10. Golosovker Ya. E. *Dostoevskii i Kant. Razmyshleniya chitatelya nad romanom «Bratya Karamazovy» i traktatom Kanta «Kritika chistogo razuma»* [Dostoevsky and Kant. Reflections of the reader on the novel «The Brothers Karamazov» and Kant]. Moscow, Postskriptum Publ., 1963. 102 p.
11. Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa: Vzglyad na kulturnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A Look at Cultural and Political Relations Slavic world to German-Romanesque]. S.Petersburg, Glagol Publ., 1995. 552 p.
12. Zakharova L. G. *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii* [Alexander II and the abolition of serfdom in Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 718 p.
13. Iustin (Popovich). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [Philosophy and religion of F. M. Dostoevsky]. Minsk, 2007. 312 p.
14. Kamyu A. *Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika* [Rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 415 p.
15. Kasatkina T. A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a philosopher and theologian: an artistic way of expressing himself]. Moscow, Vodolei Publ., 2019. 336 p.
16. Lazari de A. V *krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo* [In the circle of Fyodor Dostoevsky. Soil science]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 207 p.
17. Laut R. [On the genesis of the «Legend of the Grand Inquisitor»]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 1990, no. 1, pp. 70–76.
18. Laut R. *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskoy izlozhenii* [Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 447 p.
19. Leontev K. N. [Dostoevsky on the Russian nobility]. In: *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo: filosofskaya i politicheskaya publitsistika. Dukhovnaya proza (1872–1891)* [East, Russia and Slavs: philosophical and political journalism. Spiritual Prose (1872–1891)]. Moscow, 1996. P. 689–693.
20. Leontev K. N. [About universal love. F. M. Dostoevsky]. In: *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo: filosofskaya i politicheskaya publitsistika. Dukhovnaya proza (1872–1891)* [East, Russia and Slavs: philosophical and political journalism. Spiritual Prose (1872–1891)]. Moscow, 1996. P. 312–329.
21. Lyubyatinskaya U. S. *Istoricheskie vozzreniya F. M. Dostoevskogo (Po materialam «Dnevnik pisatelya»): dis. ... kand. ist. nauk* [Historical views of F. M. Dostoevsky (Based on materials from the «Diary of a Writer»): PhD thesis in History sciences]. Moscow, RUDN Publ., 2006. 193 p.
22. Malinov A. V. [Pan-Slavism as Pan-Mongolism. Historiosophy of nationalism]. In: *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management consulting], 2017, no. 10, pp. 136–149.
23. Matseina A. *Velikii inkvizitor* [Grand Inquisitor]. S.Petersburg, Aleteiya Publ., 1999. 378 p.
24. Pichugina O. V. *Religiozno-filosofskie osnovaniya pozdnego tvorchestva F. M. Dostoevskogo (1863–1881)* [Religious and philosophical foundations of the late work of F. M. Dostoevsky (1863–1881)]. Kemerovo, 2006. 273 p.
25. Podrezov M. V. [F. M. Dostoevsky]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2019, no. 49, pp. 170–176.
26. Ptitsyn A. N. *Kontseptsiya «slavyanskoi tsivilizatsii» N. Ya. Danilevskogo* [The concept of «Slavic civilization» N. Ya. Danilevsky]. Stavropol, PGLU Publ., 2003. 164 p.
27. Saraskina L. I. *«Besy»: roman-preduprezhdenie* [«Demons»: a warning novel]. Moscow; Soviet writer Publ., 1990. 480 p.
28. Semevskiy M. I. *Tsarevich Aleksei Petrovich. Istoricheskii ocherk* [And Tsarevich Alexei Petrovich. Historical sketch]. In: *Illyustratsiya* [Illustration], 1859, vol. 3, pp. 63–71.

29. Snigireva S. D. [Historiosophical views of F. M. Dostoevsky and the democratic concept of the schism of A. P. Shchapov]. In: *Litera*, 2020, no. 5, pp. 14–26.
30. Sokolova V. F. [The theme of the church schism in the journalism and artistic work of F. M. Dostoevsky]. In: Sokolova V. F. *Starobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost. T. II* [Old Believers: history, culture, modernity. Vol. II]. Moscow, 2005. P. 288–294.
31. Syromyatnikov O. I. *Poetika russkoi idei v «velikom pyatknizhii» F. M. Dostoevskogo* [Poetics of the Russian Idea in the «Great Pentateuch» by F. M. Dostoevsky]. Perm, Mamatov Publ., 2014. 366 p.
32. Tonkikh N. V. *Istoriya evolyutsii sotsialno-politicheskikh vzglyadov F. M. Dostoevskogo: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of the evolution of the socio-political views of F. M. Dostoevsky: PhD thesis in History sciences]. Voronezh, 2005. 253 p.
33. Ustryalov N. G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 6. Tsarevich Aleksei Petrovich* [History of the reign of Peter the Great. Vol. 6. Tsarevich Alexey Petrovich]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 656 p.
34. Eidelman N. Ya. [Investigation case]. In: *Nauka i zhizn* [Science and Life], 1971, no. 9, pp. 104–111, no. 10, pp. 99–103.
35. Dowler W. *Dostoevsky, Grigorev, and Native Soil Conservatism*. Toronto, University of Toronto Press, 1982. 240 p.
36. Futrell M. Dostoyevsky and Islam (And Chokan Valikhanov). In: *The Slavonic and East European Review*, 1979, vol. 57, no. 1, pp. 16–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. История России в представлениях Ф. М. Достоевского: историософия русского мессианства в проекции исторического нарратива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 9–26.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-9-26

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. History of Russia in the views of F.M. Dostoevsky: the historiography of Russian messianism in the projection of historical narrative. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 9–26.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-9-26